

С.Л. Катречко

МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В КАНТОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ (ПОЗНАНИЯ)

Для построения полноценной теории аргументации необходима теория сознания, адекватно описывающая процессы человеческого мышления. В качестве таковой выбрана кантовская трансцендентальная модель сознания. Важную роль играет в ней схематический синтез. В статье предлагается его определенная модификация — образно-образный синтез. Утверждается, что именно этот синтез лежит в основании метафорического мышления, в качестве базовой модели которого выбрана теория метафоры А. Ричардса-М. Блэка.

A theory of consciousness that adequately describes the processes of human thinking is necessary to develop a valid theory of argumentation. For this purpose we employ Kant's transcendental model of consciousness. Schematic synthesis plays an important role there. The article offers its certain modification – figure-figurative synthesis. We claim that it is this synthesis that underlies the metaphorical thinking based on the theory of metaphor by Ivor Richards and Max Black.

Ключевые слова: когнитивистика, теория сознания, трансцендентальная философия, кантовский схематизм, теория метафоры А. Ричардса — М. Блэка, теория образа К. Твардовского.

Keywords: cognitive science, theory of consciousness, transcendental philosophy, Kant's schematic approach, Richards – Black theory of metaphor, Tvardovsky's theory of image.

Когнитивистика и классические модели сознания. Когнитивный подход, получивший распространение в настоящее время, восходит к античным представлениям и, прежде всего, к концепциям сознания (души) Платона и

Аристотеля. В своем диалоге «Филеб» Платон проводит различие между *писцом*, который делает записи в книге, и «другим мастером» — живописцем, «который вслед за писцом чертит в душе образы [εἰχόνας] названного» (38e – 39c). По сути, этим различием Платон впервые постулирует наличие в сознании человека разных познавательных способностей, которые в современной терминологии могут быть соотнесены с рассудочным (дискурсивным) и образным типами познания (ср. с метафорой «правое — левое полушарие»), или *рассудком* и *воображением*¹. Однако по праву основателем когнитивного подхода является Аристотель, который в своем трактате «О душе» трактует сознание как *орган познания* и выделяет ставшие классическими для последующей мысли познавательные способности *чувственности* и *рассудка*, а также *воображение* в качестве срединной между чувственностью и рассудком познавательной способности по созданию образов².

Второе рождение когнитивного подхода связано с открытием декартовского cogito и происходит в рамках эпистемологического поворота Нового времени (Локк, Юм, Беркли, Лейбниц и др.), когда *теория сознания* становится одной из центральных тем философских исследований. Особое место в этом ряду занимает И. Кант, предложивший [трансцендентальную³] модель *качественно разнородного сознания*. Вслед за Аристотелем сознание рассматривается Кантом как система познавательных способностей и, более того, *чувственность* и *рассудок* [в широком смысле⁴] рассматриваются Кантом как «два основных ствола человеческого познания» [4, с. 46], а их конфигурация под «законодательством рассудка»⁵, образует *познавательную мета-способность* человека в целом.

Современная когнитивистика, к сожалению, не учитывает достижения

¹ О воображении как способности представления Платон говорит также в «Софисте» (260e), хотя надо заметить, что специальной технической терминологии в его текстах нет.

² Заметим, что сам Аристотель (как и Платон) термин воображение не употребляет, используя термины «общее чувство» и «фантазия» (греч. *φαντασία*), функция которых — *создание образов* [фантазии]. Тема воображения (фантазии) получает свое развитие у неоплатоника Прокла [10].

³ Под *трансцендентальной философией* Кант понимает исследование, направленное «не столько на предметы, сколько на *виды нашего познания*, [поскольку это познание должно быть возможным a priori]» [4, 44; выделение курсивом и взятие в квадратные скобки наши. — К.С.], в том числе и на исследование познавательной способности человека в целом. Заметим, что если «исключить» указание Канта на априорность (т.е. исключить взятый нами выше в скобки фрагмент цитаты), то *трансцендентальный* и *когнитивный* подход будут совпадать.

⁴ К чувственности в широком смысле Кант относит собственно *чувственность* и *воображение*, а к рассудку в широком смысле: собственно *рассудок*, *способность суждения* и *разум*.

⁵ Отчасти это и предопределило современное [узкое] понимание *рациональности* как, прежде всего, *рассудочной деятельности*, о чем мы будем говорить чуть ниже.

классической философской мысли и рассматривает сознание как гомогенное образование, сглаживая различие между образной и рассудочной деятельностью⁶. Соответственно, говоря о *рациональности* современные исследователи сознания как правило имеют в виду способность человека к [логическим] *рассуждениям*, т.е. некоторым дискурсивным, основанным на *логике*, процедурам рассудка. При этом основным предметом анализа классической рациональности выступает «чистый [теоретический] разум», направленный на познание природы, или *математизированное естествознание*⁷. Вместе с тем понятно, что рациональность человека не сводится лишь к [естественно]научному [по]знанию, а проявляется также и в других областях, например в области гуманитарных наук и/или в литературном (поэтическом) творчестве, стиль рассуждений отличается от естественнонаучного мышления. Более того, и само естественнонаучное мышление не сводится к набору лишь рассудочных (логических) процедур. Дело, на наш взгляд, заключается в том, что логика как теория правильных рассуждений описывает, скорее, не реальный *процесс* рассуждения человека *per se*, а *результаты* этого процесса, представленные в понятийной форме, хотя сам процесс рассуждения не сводится лишь к понятийной деятельности. Тем самым логика нацелена на исследование [правильных] способов работы с *понятиями*, хотя не менее значимым компонентом сознания является его *образная* составляющая, которая практически никак не учитывается современными теорией рациональности и когнитивистикой. Поэтому обращение к классическим концепциям сознания может существенно обогатить концептуальный аппарат современной когнитивистики, а привлечение классических моделей сознания, той же трансцендентальной модели сознания Канта, послужить эвристической базой для создания более в большей степени отражающих специфику человеческого сознания когнитивных моделей⁸, в том числе и когнитивных моделей аргументации.

В этой связи достаточно важной и интересной представляется задача моделирования *метафорического мышления*⁹, мощного средства человеческого

⁶ См., например, обзор когнитивистики данный в статье В.Н. Брюшинкина в наст. изд.

⁷ О трансцендентальном анализе естественнонаучного мышления см. наши работы [6, 7].

⁸ См., например, нашу работу [8].

⁹ Впервые эта задача была поставлена нами в [9].

сознания, без привлечения которого вряд ли можно говорить о создании полноценных теорий (моделей) аргументации. В качестве основы для такого моделирования мы выбрали кантовскую теорию сознания (познания).

Кантовская модель (по)знания. В самом общем виде концепции *познания* Канта может быть задана формулой «*знание = чувственная материя + рассудочная форма*». Тем самым познание мыслится Кантом как рассудочное *оформление* чувственной *материи*, причем в ходе познания происходит целая серия таких *оформлений*, материей для которых выступают результаты предшествующих *оформлений*. Каждый такой акт является *соединением* материи формы, т.е. синтетическим актом, и поэтому элементарный познавательный акт в целом представляет собой, по Канту, определенную иерархию *синтезов*¹⁰. Начальным актом познания является чувственное восприятие, в результате которого *внешняя вещь–в–себе* вос-принимается вовнутрь и превращается в *представление* нашего сознания, т.е. *вещь–для–нас*. Чувственное восприятие осуществляется посредством *синтеза схватывания*, благодаря чему на экране нашего сознания формируется *образ* (предмета)¹¹. В процессе формирования образа можно выделить 2 этапа. Собственно *синтез схватывания* соединяет чувственное *многообразие* в некоторый *единый* протообраз *Это_х*. Следующим после синтеза схватывания осуществляется *фигурный синтез продуктивного воображения* [synthesis speciosa], который создает собственно *образ* схваченного содержания путем «рисования» *фигуры* на экране сознания, т.е. synthesis speciosa представляет собой пространственное оформление — *пространственный синтез* — схваченного *Это_х*. Далее осуществляется *чистый* фигурный синтез (*трансцендентальный синтез воображения*), или *схематический синтез*, в котором задействуется также *способность суждения*. Суть

¹⁰ Конечно, в ходе познания осуществляются не только *синтетические*, но и *аналитические* процедуры. На это, в частности, указывает кантовское различие *аналитических* и *синтетических* суждений. Однако с помощью *анализа* возможно лишь *разлагать* (преобразовывать) имеющееся знание, не получая при этом ничего *нового*. *Новое* же знание получается посредством *синтеза*. Более того, по Канту «разложение (анализ), которое, по-видимому, противоположно ей [*связи* или *синтезу*]. — К.С.] всегда тем не менее ее предполагает; в самом деле, там, где рассудок ничего раньше не связал, ему нечего и разлагать...» [4, 99].

¹¹ Необходимым и существенным моментом познания (в том числе и синтеза схватывания) является *апперцепция*, но для целей нашего исследования этим синтезом здесь можно пренебречь. О соотношении синтеза схватывания и апперцепции см. нашу работу [5], где приводится детальное описание кантовского познавательного акта.

схематического синтеза состоит в том, что при прорисовке *образа–фигуры* наше сознание выявляет *схему* как «представление о [общем] методе» [4, 124] или способе *образ–ования* того или иного образа, т.е. *алгоритм* построения данной фигуры. Тем самым схематический синтез представляет собой *временной синтез* ранее схваченного содержания. Например, схема треугольника — это способ построения плоской фигуры путем двойного излома прямой линии, благодаря чему мы можем отличить треугольник от, например, четырехугольника. Благодаря этому схема приложима ко всем предметам данного типа, т.е. является *общим*, точнее общезначимым¹², для них созерцанием, или «чувственным понятием» [4, 110]. После этого эстафета передается рассудочным синтезам, которые завершают собой процесс познания. Их первая задача — *узнать* в построенном *образе* соответствующее ему *понятие* и сформировать протосуждение вида «*Это_j — А_i*», где *Это_j* — образ (например, стола), а *А_i* — понятие (resp. понятие стола). Это осуществляется в ходе *понятийного* синтеза, когда *способность суждения* посредством схемы соотносит между собой чувственный *образ* и имеющееся в рассудке *понятие* предмета. Таковым, например, будет протосуждение «*Это [поскольку удовлетворяет схеме дома] есть дом*». Далее, посредством *пропозиционального* синтеза рассудок из соотнесенных с соответствующими образами *понятий* образует стандартное субъектно–предикатное *суждение* типа «*А_j (S) — В_i (P)*», где *А_i* и *В_i* — понятия¹³. В нашем случае, таковым будет, например, суждение «*Этот дом — кирпичный*», которое и завершает собой познавательный акт.

Тем самым общая структура познавательного акта, по Канту, выглядит так:

1. *первоначальный синтез схватывания (+ синтез апперцепции)*;
2. *фигурный (пространственный) синтез*;
3. *временной (собственно схематический) синтез*;
4. *образно–понятийный (схематический) синтез*;
5. *пропозициональный синтез*.

При этом средоточием кантовского познавательного акта является связка из 4-го и 5-го синтезов, которые можно рассматривать как две последовательные

¹² Парафраз Канта из его определения математической деятельности как «конструирования понятий» [4, 423], где как раз и идет речь о *схемах* как общезначимых, а неэмпирических созерцаниях.

¹³ Пропозициональный синтез можно рассматривать как простейшее умозаключение, когда из двух протосуждений «*Это_j — А_i*» и «*Это_j — В_i*» образуется субъектно–предикатное *суждение* «*А_j (S) — В_i (P)*». При этом рассудок должен определить, что будет выступать *субъектом*, а что —

стадии описанного Кантом единого *схематического синтеза*, с помощью которого происходит определяющий для всего (опытного) познания акт соотнесения образа и понятия (*resp.* соотнесение разнородных познавательных способностей чувственности (воображения) и рассудка в рамках единого познавательного акта).

Кантовский схематизм и его возможные модификации. Остановимся подробнее на центральном для познания кантовском схематическом синтезе, точнее на акте соотнесения образа и понятия. В §§ 24 – 26 «Критики чистого разума» дается лишь общая характеристика и очень краткое описание схематизма, но привлечение «Критики способности суждения» позволяет реконструировать [эксплицировать] кантовскую мысль. При этом нас будет интересовать описанная выше направленность схематического синтеза «от образа к понятию», которая осуществляется в ходе опытного познания, а не его обратная направленность (от категорий к созерцаниям) при *процедурной* развертке категорий, на котором сосредоточена мысль Канта в ходе осуществления им трансцендентальной дедукции категорий в КЧР. В § 17 КСС Кант описывает некую процедуру «многократного схватывания подобных образов», которую можно назвать *синтезом наложения* и при помощи которой наше сознание (воображение) выявляет *эстетическую идею нормы*. Ее суть заключается в том, что воображение «посредством динамического эффекта» строит не столько «единичный частный облик» вещи, сколько *обобщенный образ*, путем наложения множества фигур, совместимых с данным эмпирическим созерцанием [3, 102 – 103]. При этом сознание как бы *варьирует* признаки имеющегося у нас единичного образа (например, варьируя величину углов и/или размеры единичной фигуры треугольника¹⁴), благодаря чему создает *общий образ* «возможного для нас [предмета] созерцания» [4, 110], который лежит в основе порождения «*правил суждения*» [3, 103] (что означает сродство кантовских *эстетической идеи нормы* и *схемы*¹⁵). При этом можно заметить, что по своему когнитивному статусу *общий*

предикатом суждения, что осуществляется посредством кантовской *трансцендентальной логики*.

¹⁴ Можно показать, что здесь Кант, фактически, описывает ту процедуру эйдетической интуиции, который Э. Гуссерль называет *варьирования* [2]. Хотя, конечно, Кант описывает не варьирование единичного образа, а наложение ряда сходных образов, но результат в обоих случаях одинаков: посредством этого выявляется эйдос (Гуссерль) предмета, или его прообраз (Кант/Гете).

¹⁵ Конечно, формирование *схем*, как мы показали выше, связано с тем, что наше сознание

образ занимает промежуточное положение между *единичным созерцанием* и *общим понятием* (resp. между *образом* и *схемой* как процедурной разверткой понятия¹⁶).

Выделение *общих образов* в качестве полноценных когнитивных образований позволяет предложить следующую модификацию кантовского подхода: наряду с кантовским *образно-понятийным синтезом* типа «*Это_j — A_i*», где *Это_j* — образ, а *A_i* — понятие, возможен также и альтернативный кантовскому *образно-образный синтез*, в котором *A_i* является уже не *понятием*, а *общим образом*. При этом неизвестному (новому) единичному (прото)образу *Это_j* сопоставляется уже известный общий образ *A_i*: например, Пикассо схематизирует образ человека посредством геометрических фигур, а М. Мамардашвили говорит по сходному поводу, что Сезанн «мыслит яблоки», т.е. не понятиями, а образами яблок.

Кроме указанной выше модификации кантовского схематизма можно предложить еще две, а именно когда вместо кантовских понятий на месте предиката схематического протосуждения будут находиться либо *идея разума* (КЧР), либо *эстетическая идея* (КСС), однако поскольку Кант выделяет всего лишь несколько типов *идей*, то основной модификацией кантовского схематизма выступает именно выделенный выше *образно-образный синтез*, который, как мы увидим далее, лежит в основании интересующего нас здесь *метафорического мышления*.

Теория метафоры А. Ричардса — М. Блэка и ее моделирование в кантовской модели познания. На сегодняшний день существуют несколько различных теорий метафоры¹⁷. Наиболее интересной с логической точки зрения (точнее, поддающейся логической экспликации) представляется концепция метафоры А. Ричардса — М. Блэка, в рамках которой *метафора* может быть соотнесена с особым типом (квази)суждений, в которых в отличие от обычных субъектно-предикатных суждений используется отличный от стандартного

переключает свое внимание с *содержания* образа на конституирующий этот образ *акт*, в результате чего и вычленяется *алгоритм* его построения. Однако при этом мы должны допустить в наличии в душе платоновского «живописца» из «Филеба» (см. выше). А в случае образования идеи *нормы* с помощью «механического» синтеза наложения ряда образов, на основе чего и образуется схема («правило»), предлагается более простой (resp. более слабый) когнитивный механизм.

¹⁶ В своем анализе кантовского схематизма М. Хайдеггер вводит дополнительное понятие *схемы-образа*, занимающее промежуточное между кантовскими *образом* и *схемой* положение [14, 55].

механизм предикации. Структура этих суждений такова: «главный *субъект* (подлежащее) — вспомогательный *субъект* (сказуемое)». Например, в метафорическом суждении «*Человек — волк*», *человек* является главным, а *волк* — вспомогательным субъектом. Собственно механизм метафоры, который может быть соотнесен с феноменом «видения как» (Витгенштейн), состоит в том, что главный субъект (*человек*) рассматривается через «фильтр» — систему «ассоциируемых импликаций» — вспомогательного субъекта (*волка*), или, говоря другими словами, «главный субъект «проецируется» на область вспомогательного субъекта» [1, 165]. Или, как говорит по этому поводу П. Рикер, при образовании метафорических (квази)суждений значение главного субъекта не схематизируется, как это происходит в кантовском схематизме, а «позволяет прочесть себя на образе [вспомогательного субъекта]» [11, 424]¹⁸.

Для моделирования метафоры посредством предложенной нами образно-образного синтеза надо соотнести *главный* и *вспомогательный субъекты* метафорического (квази)суждения с *образами*. В случае соотнесения (главного) субъекта предложения особых проблем не возникает, поскольку он фигурирует в схематическом протосуждении как первичный (прото)образ *Это_j*. Однако на предикатном месте любого суждения, в том числе и схематического протосуждения, должен находиться некий аналог *понятия*, с помощью которого неопределенному (неизвестному) субъекту суждения предикцируется тот или иной набор признаков¹⁹.

Зададимся вопросом: может ли в качестве такого предиката выступать *общий образ*? Утвердительный ответ на этот вопрос дает концепция К. Твардовского, согласно которой любой [общий] *образ* [предмета *P* со свойствами *a, b, c...*] может быть представлен формулой $P_I = f_I(a, b, c...)$ [12, 448 – 453]. Тем самым *общий*

¹⁷ Подборка этих теорий приведена в сборнике «Теория метафоры»: см. [2] или [11].

¹⁸ Заметим, что здесь Рикер использует, скорее, метафорическое описание, поскольку, как и в случае с платоновским живописцем, не совсем понятно, как происходит «прочитывание» одного образа на другом. Ниже мы зададим эту метафору более конструктивным образом.

¹⁹ В данном случае мы опираемся на концепцию познания С.Л. Франка [13], который соотносит познавательный акт с суждением «[Это] *x* есть *A*», где *x* — есть подлежащее познанию неизвестное, а *A* — *общий предикат*, который приписывается *x*, что позволяет познать (узнать) *x* как *A*: например, в ударе молнии «увидеть» разряд лейденской банки (открытие В. Франклина). Заметим, что тем самым, в противовес П. Рикеру, здесь утверждается, что основополагающим механизмом любого суждения, в том числе и метафорического, выступает та или иная разновидность предикации.

образ выступает как *предпонятие*, а собственно *понятие* предмета Р образуется путем *наложения*²⁰ ряда сходных образов $P_1 = f_1(a, b, c \dots)$, $P_2 = f_2(a, c, d \dots)$, $P_3 = f_3(a, c, s \dots)$, в результате которого выделяются общие признаки (в нашем случае — *a* и *c*), составляющие *содержание* этого понятия.

Привлечение концепции образа К.Твардовского позволяет уточнить механизм действия метафоры. Приведенная выше фраза Рикера о том, что в метафорическом (квази) суждении главный субъект «позволяет прочесть себя на образе [вспомогательного субъекта]» получает теперь следующий строгий смысл. Метафорическое соотнесение главного и вспомогательного субъектов состоит в том, что первому приписываются некоторые признаки, входящие в содержание второго: например, *человеку* приписываются черты *волка*. В этом и состоит специфика *метафорической предикации*, которая позволяет изменять исходное (прото)содержание тех или иных образов и, соответственно, содержание образованных из них понятий предмета. Понятно, что в результате этого изменения некоторые из ранее возможных умозаключений становятся некорректными (если новый признак вступает в противоречие с исходными признаками предмета), зато появляется возможность построения новых умозаключений, что позволяет значительно расширить возможности процесса аргументативного убеждения.

Литература:

1. *Блэк М.* Метафора // *Теория метафоры*. – М.: Прогресс, 1990. — с. 153 – 173.
2. *Гуссерль Э.* О варьировании // *Воображение в свете философских рефлексий*. М.: Полиграф–Информ, 2008. — с. 327 – 365.
3. *Кант И.* Критика способности суждения. — М.: Искусство, 1994. // *Кант И.* Критика способности суждения // *Его же.* Соч. в 6 т (7 кн.). — Т.5, М.: Мысль, 1966. — с. 434 — 438.
4. *Кант И.* Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994.
5. *Катречко С.Л.* Воображение как «деятельная способность синтеза многообразного» в составе познавательной способности // *Воображение в*

²⁰ Ср. с кантовской процедурой наложения схожих образов друг на друга при нахождении идеи нормы из КСС, которую мы описали выше.

- свете философских рефлексий. М.: Полиграф–Информ, 2008. – с. 117 – 179.
6. *Катречко С.Л.* Моделирование рассуждений в математике: трансцендентальный подход //Модели рассуждений – 1: Логика и аргументация. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2007. — с. 63 – 90.
 7. *Катречко С.Л.* Трансцендентальный метод и современное естествознание //Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2008. — с. 186 – 204.
 8. *Катречко С.Л.* Трансцендентальная (кантовская) модель сознания как новая парадигма «искусственного разума» //Искусственный интеллект: междисциплинарный подход (под. ред. В.А. Лекторского, Д.И. Дубровского). — М.: ИИнтелЛ, 2006. — с.276 – 289.
 9. *Катречко С.Л., Герасименко И.А.* Кантовский схематизм и его модификация: энергия метафоры //Философско-методологические проблемы искусственного интеллекта: материалы постоянно действующего теоретического междисциплинарного семинара. — Пермь: Изд-во ПГТУ, 2007. — с. 69 – 103.
 10. *Прокл* Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Введение. — М.: Греко–латинский кабинет, 1994.
 11. *Рикер П.* Метафорический процесс как познание, воображение, ощущение //Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. — с. 416 – 434.
 12. *Твардовский К.* Образы и понятия //Воображение в свете философских рефлексий. М.: Полиграф–Информ, 2008. — с. 416 – 469.
 13. *Франк С.Л.* Предмет знания (об основах и пределах отвлеченного знания) //Его же. Предмет Знания. Душа человека. — СПб.: Наука, 1995.
 14. *Хайдеггер М.* Кант и проблема метафизики. — М.: «Русское феноменологическое общество», Изд-во «Логос», 1997.

Сергей Леонидович Катречко– кандидат философских наук, доцент кафедры философии естественных факультетов философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, katrechko@gmail.com.

Dr. Sergey Katrechko, Associate Professor, Department of Philosophy for
Faculties of Natural Sciences, Mikhail Lomonosov Moscow State University,
katrechk@gmail.com.